

О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ АСПЕКТАХ СООТНОШЕНИЯ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Галкин А. Г.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»

В данной работе рассматриваются различные проблемные аспекты соотношения и взаимосвязи частного и публичного права в российской правовой системе на современном этапе. Проведен анализ доктринальных и законодательных источников по исследуемой теме. В ходе исследования установлено, что публичное и частное право взаимодействуют и в некоторых ситуациях в силу конституционных предписаний публичные интересы имеют приоритет на частными. Также установлено, что разграничение отраслей права на частные и публичные в отдельных аспектах может иметь критическое значение в правоприменительной практике, поскольку отсутствие законодательной дефиниции частных и публичных элементов в правовой системе может создавать правовую неопределённость для участников спорных правоотношений.

Ключевые слова: частное и публичное право, система права, конституционное право, соотношение частных и публичных интересов, защита субъективных прав, приоритет публичных интересов, семейное законодательство, гражданское судопроизводство, административное судопроизводство.

Деление системы права в государстве на частный и публичный элемент известно юридической науке практически всю ее историю. Однако усложнение и изменение предмета правового регулирования тех или иных отраслей права нередко ставит под сомнение существование разграничения между публичным и частным началом. Подобные явления, характеризующие развитие общественных отношений и, как следствие, развитие правового регулирования также актуальны и для современного российского государства. Кроме того, тенденции усложнения предмета правового регулирования обусловлены во многом и «новизной» российской правовой системы относительно развитых зарубежных правовых порядков.

Соотношение частного и публичного права порождает дуализм, которой характеризуется рядом противоречий [1]. Во-первых, в рамках национальной правовой системы право имеет цель защиты правопорядка как в публичной, так и в частной сферах. Во-вторых, в рамках публичных правоотношений субъекты хоть и опосредованно воплощают частные интересы. В-третьих, свобода частных субъектов не может быть безгранична, иное означало бы риск ущерба интересам другими частным субъектам, когда ущемляются интересы целых групп частных субъектов, то представляется возможным говорить о том, что ущемляются интересы публичные.

Исходя из анализа доктринальных источников, а также источников правового регулирования представляется возможным сформулировать следующие дефиниции частного и публичного права в отечественной правовой системе. Частное право является совокупностью правовых норм, регулирующих отношения между частными субъектами (граждане, организации). Публичное право, в свою очередь, является набором отраслей, предметом правового регулирования, которых является реализация государством в виде его органов публичной власти своих полномочий. Подобные дефиниции встречаются во многих различных работах в науке теории государства и права в России, какие-либо противоречия между авторами практически от-

сутствуют в части изложения непосредственно самих определений.

Как указано выше, в отечественной науке выделены критерии разграничения частного и публичного права. Однако остается ряд открытых вопросов относительно того, как то или иное разграничение между частным и публичным правом произвести в практической деятельности. Например, к частным отраслям права многие исследователи традиционно относят семейное право. Основным источником семейного права в российской правовой системе является Семейный кодекс (далее – СК РФ) [2]. Согласно ст. 2 СК РФ предметом правового регулирования СК РФ является большой спектр семейных отношений, то есть отношения между частными субъектами, в то же время предметом правового регулирования являются вопросы, связанные с защитой детства. Вопросы защиты детства включают в себя определение судьбы детей, оставшихся без попечения родителей. Согласно ст. 38 Конституции РФ защита детства осуществляется государством. Таким образом, семейное законодательство содержит в себе положения, посредством которых государство реализует свои публичные функции, которые закреплены за ним нормами Основного закона. Безусловно, семейное законодательство содержит положения, характерные для частных отраслей права, например, законный режим имущества супругов, может быть, по их согласию изменен на договорной, заключение брака также носит частный и диспозитивный характер. Вопросы, связанные с разделом общего нажитого имущества супругов, могут быть также урегулированы волеизъявлением частных субъектов. В то же время семейное законодательство имеет ряд императивных предписаний и принципов, которые имеют приоритет даже перед частными и диспозитивными началами в других сферах. Семейные споры подлежат рассмотрению в порядке гражданско-процессуального судопроизводства. Судебной и правоприменительной практикой выработаны подходы, согласно которым гражданско-процессуальные правоотношения исходят из диспозитивной правовой природы. Например, стороны вправе самостоятельно принять решение о признании иска, отказа от иска или заключении мирового соглашения. Однако, по некоторым категориям дел, вытекающим из семейных отношений реализовать подобные диспозитивные процессуальные функции субъектам спорных правоотношений невозможно. Так, согласно п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» по делам об оспаривании отцовства невозможно признание иска, а также заключение мирового соглашения [3]. Мотивация данного запрета определена публичным интересом государства по защите прав и законных интересов несовершеннолетних. Таким образом, данный пример иллюстрирует ситуацию преобладания публичных интересов над частными в том случае, если данные интересы пересекаются. В этой связи крайне важно отметить, что коллизия частных и публичных интересов при оспаривании отцовства в ходе рассмотрения дел в порядке гражданского судопроизводства разрешена с точки зрения законодательной техники не самым лучшим образом. А именно, если исходить из буквального и системного толкования положений гражданского-процессуального и семейного законодательств, то сделать вывод о том, что такие процессуальные институты как мировое соглашение и отказ от иска не применимы по вышеуказанной категории семейных споров не представляется возможным. Однако, чтобы закрепить приоритеты публичных интересов над частными в данном случае Верховный

Суд РФ истолковал рассматриваемую ситуацию вышеуказанным образом.

Почему, как ранее отмечено, такая ситуация иллюстрирует недостатки законодательной техники на федеральном уровне? Потому, что устранение коллизии в данном случае публичных и частных начал произошло путем судебного толкования Верховного Суда РФ в соответствующем ППВС, такой подход к регламентации, на наш взгляд, является ситуативным и вместо того, чтобы законодатель самостоятельно урегулировал коллизию частных и публичных интересов, эту роль на себя берет, к сожалению, уже традиционно высшая судебная инстанция. Может ли измениться рассматриваемая ситуация по данной категории дел, если разъяснение ВС РФ будет прямо противоположным? Определенно, да, тем более кардинальные изменения позиций ВС РФ являются обыденностью для российской правовой системы.

Кроме семейного права к «исконно» частноправовым отраслям относят гражданское право. Основным источником гражданского законодательства является Гражданский кодекс РФ [4]. Гражданское законодательство безусловно является необходимым базисом для формирования правового поведения частноправовых субъектов в российской системе. В то же время гражданское законодательство подвержено влиянию конституционных положений о возможности ограничения частноправовых интересов в угоду публично-правовым целям и задачам. Так, абз. 2 п. 2 ст. 1 ГК РФ полностью дублирует конституционные положения, изложенные в п. 3 ст. 55 Основного закона [5]. Такой подход схож с позицией в том числе В.И. Ленина, который, в свою очередь, отмечал, что о необходимости в советском государстве установления приоритета публичного права над публичным [6]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что все субъекты законотворчества и официального толкования имеют все правовые основания для ограничения частных интересов в пользу реализации публичных интересов и публичных функций государства, поскольку существуют соответствующие для этого конституционно-правовые основания. Говоря о зарубежной практике ограничения частных интересов, представляется возможным привести в пример Конституцию США, согласно тексту и толкованию которой у органов публичной власти отсутствуют возможности по ограничению частноправовых интересов [7].

Вышеуказанные нормы, изложенные в п. 3 ст. 55 Конституции РФ, являются определяющими в вопросах, связанных с соотношением публичного и частного права в российской правовой системе, поскольку публичное право выражает интересы прежде всего государства и его публично-правовых образований, а частное право так или иначе преследует реализацию прав и законных интересов частноправовых субъектов. Как ранее было упомянуто, Конституция США, не содержит положений аналогичных п. 3 ст. 55 Конституции РФ, однако для правовой системы США, конечно же характерны примеры ограничения частных интересов в угоду публичных. Наиболее ярким примером такого ограничения является принятие в 2001 г. Конгрессом США Акта «О сплочении и укреплении Америки путем обеспечения надлежащими средствами, требуемыми для пресечения и воспрепятствования терроризму» (англ. «Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act») согласно которому некоторые американские правоохранительные органы получили правовые основания для перехвата электронных и телефонных сообщений, таким образом, ставя под сомнение абсо-

лютое право на тайну переписки [8]. Безусловно, проводя сравнительный анализ подходов к ограничению прав частных субъектов в угоду интересам публичным необходимо делать поправку на то обстоятельство, что правовая система США кардинально отличается от стран с романо-германской правовой системы, к которым и относится российская правовая система, однако общие принципы и тенденции ограничения частных интересов в угоду публичных интересов являются практически неизменными. В 2015 г. данный федеральный закон был отменен и вышеуказанные ограничения частных прав стало возможно лишь при наличии соответствующей санкции суда [9].

Используемый в отечественной правовой системе подход в части применения приоритета публичного права над частным полностью соответствует концепции теории общественного договора, в трактовке Дж. Лока, поскольку согласно его версии общественного договора, граждане для обеспечения безопасности и защиты от каких-либо посягательств передают часть своих субъективных прав государству с целью получить необходимую защиту [10]. В этой связи представляется возможным сделать вывод о том, что поскольку ограничение прав и свобод граждан в соответствии с положениями п. 3 ст. 55 Конституции РФ осуществляется с целью защиты основ конституционного строя, а права и свободы человека в соответствии со ст. 2 Конституции РФ являются составным элементом конституционного строя, то ограничение прав и свобод граждан осуществляется одновременно с целью их же защиты.

Право собственности в российской правовой системе с одной стороны, находится под правовой охраной в силу ряда нормативно-правовых актов, например: ст. 35 Конституции, раздел II ГК РФ, гл. 21 УК РФ и т.д. Правомочия по владению, пользованию и распоряжению имуществом являются составным элементом права собственности и частноправовой субъект вправе по своему усмотрению реализовывать все эти элементы, составляющие право собственности. Но, как ранее уже было отмечено в данной работе, в российской правовой системе в силу соответствующих конституционно-правовых положений действует приоритет публичных интересов над частными в случаях, предусмотренных федеральным законодательством. Так, в период объявленного властями военного положения в соответствии с федеральными законами "Об обороне" и "О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации" у частных субъектов (граждан) возможно изъятие вооруженными силами транспортных средств для выполнения соответствующих целей и задач. Право на конфискацию транспортных средств фактически является дискреционным для публичных субъектов в лице государства и его органов и в определённой ситуации, т.е. во время объявленного военного положения нивелирует право собственности на транспортное средство.

В контексте приоритета публичного права над частным необходимо отдельно изучать аспект, связанный с дискреционной правовой природой такого приоритета. Как видно из вышеуказанных примеров (США и Российская Федерация) приоритет публичного права и интересов над частными может устанавливаться различными способами и методами независимо от специфики правовой системы в рамках, который они реализуются. Но можно ли рассматривать приоритет публичного права над частным исключительно с точки зрения реализации публичных интересов? На наш взгляд, ответ на данный вопрос является неоднозначным. Безусловно, с одной сто-

роны, приоритет публичного права над частным является следствием государственной политики, целью которой является поддержание нормальной деятельности государства и его публичных институтов и для этих целей с точки зрения самого государства ограничение частного права и, следовательно, частных интересов является лишь инструментом для их достижения. С другой же стороны, государство и его публичные институты являются комплексными системами, в которые заложены также и частные интересы. Так, подавляющее большинство современных государств имеют законодательную власть и представительные органы, которые опосредованно и осуществляют народовластие. В законодательные органы избираются представители из народа, то есть частные субъекты представляют частные интересы, но в органах публичной власти и используя властно-публичный инструментарий для этого. На примере российской правовой системы видно, что приоритет публичного права над частным должен быть установлен федеральным законодателем. Федеральный законодатель в российской правовой системе является опосредованным носителем воли и интересов частных субъектов. Таким образом, частные субъекты в лице граждан делегировав своим представителям в органах законодательной власти публичные полномочия несут риск ограничения их же частных интересов посредством принятия соответствующего федерального закона. Соответствующие риски частные субъекты, то есть граждане должны учитывать при проведении электоральных процедур по избранию своих представителей в органы публичной власти. Таким образом, представляется возможным сделать вывод о том, что применительно к реалиям отечественной правовой системы поскольку возможность приоритета публичного права над частным зависит от федерального законодателя, то установление такого правового режима не является дискреционным полномочием органов публичной власти, а является электоральным риском граждан при реализации или нереализации своих избирательных прав.

Вышеизложенные примеры являются свидетельством взаимосвязи и взаимодействия частного и публичного права в российской правовой системе на современном этапе ее развития. Несмотря на столь значительное количество исследований в науке теории государства и права о значимости разграничения частного и публичного права, в правоприменительной практике такое разграничение практически нивелировано и не оно не поддерживается законодателем исходя из каких-то выработанных в науке государства и права критериев разграничения. Однако, свидетельствуют ли вышеизложенные обстоятельства о том, что разграничение публичных и частных начал в правовом регулировании в рамках отечественной правовой системы не имеет никакого практического смысла и данный аспект можно игнорировать законодателю в том числе и в вопросах законодательной техники? На наш взгляд, в отдельных случаях подобное игнорирование выработанных юридической наукой постулатов относительно разграничения и взаимодействия частного и публичного права может повлечь неблагоприятные последствия для всех субъектов тех или иных правоотношений и создать для них различного рода правовую неопределённость.

Так, в 2015 году с принятием Кодекса административного судопроизводства РФ законодатель выделил в отдельный процессуальный нормативно-правовой акт вопросы, связанные с защитой субъективных прав, вытекающих из властно-публичных правоотношений. Ранее данные вопросы подлежали рассмотрению в

порядке, предусмотренным гражданско-процессуальным законодательством. Предмет правового регулирования КАС РФ изложен в его первой статье, однако в данной норме используются во многом абстрактные по своему содержанию формулировки [11]. Не вносит ясность в предмет правового регулирования позиция ВС РФ, изложенная в ППВС от 27.09.2016 № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации». Исходя из буквального и системного толкования положений КАС РФ, а также ППВС от 27.09.2016 № 36 представляется возможным сделать вывод о том, что характер спорных правоотношений является определяющим в вопросе выбора вида судопроизводства для защиты субъективного права [12]. В то же время, по мнению высшей судебной инстанции для рассмотрения спора в порядке, предусмотренным КАС РФ необходимо, чтобы для спорного правоотношения были характерны отсутствие равенства, автономии воли, а также имущественной самостоятельности их участников, также необходимым условием является осуществление одним из субъектов публичных функций по отношению к процессуальному оппоненту. Однако, поскольку в российской правовой системе на современном этапе размыта та грань, которая бы исчерпывающим образом позволяла ответить на вопрос о разграничении публично и частного права, то и квалифицировать спорные правоотношения, подлежащие рассмотрению в порядке административного или гражданского судопроизводства, также является проблематичным. Подобная ситуация создает препятствия для защиты субъективных прав участников спорных правоотношений, поскольку существует большая вероятность неправильного определения подсудности спора и выбора неправильного способа защиты права. Данная ситуация особенно актуальна для административного судопроизводства в силу сокращенных сроков для обращения за защитой прав и законных интересов.

Подводя итог, представляется возможным сделать вывод о том, что выработанные юридической наукой критерии разграничения публичных и частных правоотношений в российской правовой системе на современном этапе в действующем законодательстве не применяются, что как указано в выше приведённых примерах может создавать правовую неопределённость для всех участников спорных правоотношений.

Список литературы:

1. Яковлев В.Ф. Развитие частного права в России // Юрист. - 2003. - № 46.
2. Семейный кодекс Российской Федерации" от 29.12.1995 N 223-ФЗ // "Собрание законодательства РФ", 01.01.1996, N 1, ст. 16
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 N 16 "О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей" // "Российская газета", N 110, 24.05.2017
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // "Собрание законодательства РФ", 05.12.1994, N 32, ст. 3301
5. Конституция Российской Федерации: (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.07.2024).
6. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 398.
7. Фельдбрюгге Ф. Частное и публичное: где пролегал грань между ними? // Юрист. - 2003. - № 46.
8. Act on the «Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism» // GPO. URL: [USA PATRIOT Act | FinCEN.gov](https://www.fincen.gov) (дата обращения 16.07.2024)
9. USA FREEDOM Act of 2015 H.R.2048: сайт Конгресса США [Электронный ресурс] URL: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/2048> (дата обращения 16.07.2024)
10. А. Л. Субботин. Договор общественный // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / пред. науч.-ред. совета В. С. Стёпин. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Мысль, 2010. — 2816 с.

11. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // «Собрание законодательства РФ», 09.03.2015, N 10, ст. 1391.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 N 36 (ред. от 17.12.2020) «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // "Бюллетень Верховного Суда РФ", N 11, ноябрь, 2016.

Galkin A. G. On some current aspects of the relationship between private and public law in the Russian legal system at the present stage // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 35 – 41.

This paper examines various problematic aspects of the relationship and interrelation of private and public law in the Russian legal system at the present stage. An analysis of doctrinal and legislative sources on the topic under study is conducted. The study established that public and private law interact and in some situations, due to constitutional provisions, public interests have priority over private ones. It was also established that the distinction between branches of law on private and public in certain aspects can be of critical importance in law enforcement practice, since the absence of a legislative definition of private and public elements in the legal system can create legal uncertainty for participants in contentious legal relations.

Key words: private and public law, legal system, constitutional law, relationship between private and public interests, protection of subjective rights, priority of public interests, family law, civil proceedings, administrative proceedings.

Spisok literatury:

1. Yakovlev V.F. Razvitiye chastnogo prava v Rossii // YUrist. - 2003. - № 46.
2. Semejnnyj kodeks Rossijskoj Federacii" ot 29.12.1995 N 223-FZ // "Sobranie zakonodatel'stva RF", 01.01.1996, N 1, st. 16
3. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 16.05.2017 N 16 "O primenenii sudami zakonodatel'stva pri rassmotrenii del, svyazannyh s ustanovleniem proiskhozhdeniya detej" // "Rossijskaya gazeta", N 110, 24.05.2017
4. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 N 51-FZ (red. ot 11.03.2024) // "Sobranie zakonodatel'stva RF", 05.12.1994, N 32, st. 3301
5. Konstituciya Rossijskoj Federacii: (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01 iyulya 2020 g.) // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 25.07.2024).
6. Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 44. S. 398.
7. Fel'dbryugge F. CHastnoe i publichnoe: gde prolegaet gran' mezhdru nimi? // YUrist. - 2003. - № 46.
8. Act on the «Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism» // GPO. URL: USA PATRIOT Act | FinCEN.gov (дата обращения 16.07.2024)
9. USA FREEDOM Act of 2015 H.R.2048: sajt Kongressa SSHA [Elektronnyj resurs] URL: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/2048> (data obrashcheniya 16.07.2024)
10. A. L. Subbotin. Dogovor obshchestvennyj // Novaya filosofskaya enciklopediya : v 4 t. / pred. nauch.-red. soveta V. S. Styopin. — 2-e izd., ispr. i dop. — M. : Mysl', 2010. — 2816 s.
11. Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii ot 08.03.2015 N 21-FZ (red. ot 14.02.2024) // «Sobranie zakonodatel'stva RF», 09.03.2015, N 10, st. 1391.
12. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 27.09.2016 N 36 (red. ot 17.12.2020) «O nekotoryh voprosah primeneniya sudami Kodeksa administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii» // "Byulleten' Verhovnogo Suda RF", N 11, noyabr', 2016.